

— **Юлий Черсанович**, два года назад, когда я спросила вас о социальном самочувствии, вы ответили, что живете будто с отмороженными ушами. И рассказали: однажды на севере ваш знакомый отморожил уши. Окружающие наперебой стали давать советы, как унять боль. Однако ничего не помогало человеку до тех пор, пока само собой не прошло. Сейчас что-нибудь изменилось?

— В известной степени. Но то ощущение остается, потому что и боль, и тревоги, и неустойчивость, и неопределенность все еще терзают наши души. Хотя, знаете, стало проступать ощущение: дело необратимо. Даже те, кто кричит о Союзе, о реставрации, кричит теперь с явной натугой. Есть вещи, которые уже никогда не вернешь. Я много езжу по России и вижу свидетельства стабилизации жизни.

— **А что самое заметное?**

— Люди идут в храмы, возвращенные Церкви.

— **А как, с вашей точки зрения, живет сейчас интеллигенция? Несколько дней назад по ТВ прошел фильм Эльдара Рязанова «Предсказание». Его герой, писатель Олег Владимирович, которого, как всегда, блестяще играет Олег Басилашвили, стоит перед альтернативой: уехать или остаться. Правда, там его положениеотячено антисемитскими мотивами нашей жизни. И я поняла: у Рязанова социальное самочувствие не слишком оптимистичное.**

— Интеллигенция, как и все общество, действительно оказалось в совершенно неожиданной обстановке. Но в этом смысле она ничем не отличается, скажем, от крестьянства. А что касается конкретно писателей, то посмотрите — ведь для многих талантливых людей именно сейчас появилась возможность прорваться к читателям.

он чем-то угнетен? Замечательный человек, распил на наших глазах бутылочку водки, сидя в лодке с удочкой.

— **Это тоже было «как ничего не остается больше делать».**

— Ну нет, это относится к кому угодно, только не к Ширвиндту. У него устоявшийся иронически-оптимистический взгляд на мир, на самого себя. И мне в нем это всегда импонировало.

— **Да, в застойные годы через все ваше творчество проходила мечта о свободном российском человеке...**

— И я вижу сегодня таких людей. Правда, этот тип до конца не сформировался, я описать его еще не смогу. В нем не хватает ярко выраженной социально-психологической окраски.

— **Да будет ли такой, до конца свободный, российский человек?**

— Конечно. Недаром появилось понятие «новые русские».

— **Мы говорим о разных вещах.**

— Немножко о разных. Я говорю о людях, которых раньше называли «деловарами». Очень интересный тип, требующий пристального взгляда.

— **Да это просто хапуги, которым все равно, где прихватить побольше.**

— Никоим образом. Кто-то из них действительно хапуга, но не все же! В Красноярске живут мои друзья — отец и сын Сиротинины. Владимир, отец, в известные годы за диссидентство едва не сел. Теперь он возглавляет красноярский «Мемориал». Сын же, очень талантливый, вот не помню, физик или математик, ушел в бизнес, занимается им с огромным азартом, мечтает о своем большом производстве.

Бог. Москва. — 1994. — Фокус. — с. 5.

Юлий Ким:

«Все идет к тому, что у нас получится...»

Ну, хотя бы взять Марка Харитонов. Он ведь многие годы писал в стол. Но вот стал лауреатом Букеровской премии. Недавно состоялась презентация его двухтомника, прекрасного. И еще один двухтомник на выходе. Есть ли у него резоны печалиться? Я знаю многих других хороших писателей, которые, хоть и не получают премий, но публикуются. Все зависит, я так понимаю, от таланта. Да и вообще талантливый человек у нас всегда все-таки пробивался.

— **С большой потерей крови...**

— В сталинские времена потери, конечно, были страшные. А вот, смотрите, сколько прекрасных имен появилось даже в застойные времена. Вспомним Женю Попова, который после «Метрополя» был исключен из Союза писателей. Но имя-то состоялось!

— **Юлий Черсанович, а как живете вы?**

— В подробности вдаваться не буду, скажу так: в 92—93-м годах мне пришлось довольно туго, как и многим. А потом положение выправилось, стало сопоставимо с прежним.

— **На жизнь зарабатываете концертами?**

— Мой бюджет состоит из заработков от литературной работы и концертов. Пишу, как и прежде, песни для кино и театра, пьесы, киносценарии, очерки. Отмечу еще один отрядный признак времени: к нам вернулось много литературных имен. Правда, иные, к сожалению, по-смертно. Недавно в Омске вышла книга «Вадим Делоне». Так она, по-моему, лаконично и здорово называется. Книга издана с помощью московских и парижских друзей Вадика. Он, как вы знаете, кончил жизнь в изгнании. Очень тяжело кончил. Несмотря на то, что Вадик жил в славном городе Париже, он очень страдал от ностальгии. Я думаю, она его и съела. Он ведь умер совсем молодым, как совсем молодым, девятнадцатилетним, вышел на Красную площадь в числе других диссидентов, протестовавших против расстрела «пражской весны», за что и отсидел три года в тюменских лагерях. Книга Вадика уже появилась и в Москве, и в сибирских городах. Знаю, что она продается в магазинах «Новелла», «19 октября», «1 сентября», «Гнозис», «Гилея».

— **Вадим Делоне интересен еще и своей родословной. Его предок был комендантом Бастилии, которого Великая Французская казнила. Голову бедного коменданта носили в назидаание по всему Парижу. А легендарная мать Мария, в миру — русская поэтесса Кузьмина-Караева, приходилась кузиной деду Вадима.**

— Да. И сам Вадим был очень светлым, отважным человеком...

— **Вы считаете, что талантливый человек всегда обнаружит себя. Но вот за полтора года до гибели Вячеслава Леонидовича Кондратьева я разговаривала с ним. Он тогда сказал мне: «Как писатель я кончился. Моя военная тема никому уже неинтересна»...**

— У меня такое впечатление, что Вячеслав Леонидович, как это свойственно писателям вообще, поведаль вам о своем временном состоянии на тот момент. Пишущие люди часто переживают творческие кризисы. Булат Шалвович Окуджава, я знаю, в 70-х годах испытал такое состояние...

— **На днях питерское телевидение отмечало шестидесятилетие Олега Басилашвили. Актер признался: «ТВ — мой дом, здесь и в 60-е годы мы, молодые актеры, собирались. И сейчас тоже. Ведь в ресторан не пойдешь посидеть, повидаться: не по карману...» Все же обидно за шестидесятилетних шестидесятников.**

— Вы правильно заметили: многие шестидесятники стали в этом году шестидесятилетниками. Ну, а передача Рязанова с Ширвиндтом вы видели по поводу его юбилея?

— **Видела.**

— Вы ж про Александра Анатольевича не скажете, что

— **Дай-то ему Бог. Только в таких у нас любят постреливать...**

— Конечно, случается, но это же не тотальное убийство. Я о другом. Формируется тип предпринимателя с четко выраженными политическими взглядами. Кстати, оба они, отец и сын, почему я о них вспомнил, наверное, единственные в России 19 августа 1991 года были задержаны красноярской милицией на основании указа ГКЧП. Они расклеивали по городу указы Ельцина. В одной упряжке и шестидесятник, и «новый русский».

— **Юлий Черсанович, вы ведь долгое время преподавали в школе...**

— Девять лет, пока не вытурили.

— **Хочу поговорить о детях. В редакцию «Вечерки» приходит много странных писем. Одно такое принесла, прочитаю только первую фразу, и вам все станет ясно: «13 мая мой внук Ив-**

лиев Павлик ушел в школу в 8 утра. И из школы домой не вернулся»...

— Я все понял. Но такое в наших школах случалось и раньше, просто мы не знали. У Юрия Щекоичихина есть пьеса, основанная на реальном случае, когда один мальчик зарезал другого из-за джинсов. Сегодня, без слов, ситуация обостреннее. Это наша трагедия...

— **Самая большая опасность в том, что криминальную реальность поневоле жадно впитывают дети.**

— То, что это первостепенная проблема, — кто же спорит... Конечно, нужно бить во все колокола. Но вот вы же бьете...

— **Ни я, ни газета ничего изменить тут не в силах.**

— Знаете, мне жаль, что наша педагогика не нашла эквивалента пионерскому движению, а скаутское движение почему-то не привилось.

— **На чем же воспитывать себя подросткам?**

— Как на чем? Посмотрите: полно литературы, сейчас и западная хлынула. Да того же Дюма огромными тиражами переиздают. Разумеется, и порнография наряду с этим, и всякая другая чушь собачья...

— **Нет, дети хорошо понимают, что главное — деньги.**

— Я не уверен, что они только на деньгах зациклены. Хорошо, деньги, а для чего? Дальше уже все по-разному. Одному — чтобы сходить в поход, другому — напиться да накуриться... Дело все ж идет к тому, что у нас получается. Жизнь, общество. Правда, для этого нужно, чтобы сменилось поколение чиновников. Проблемы нарастают такие, что они в силу своих старых методов работы не справляются. А порой и намеренно.

— **Говорят по-другому: должно смениться вообще несколько поколений, чтобы жизнь стала нормальной.**

— История движется неслыханными шагами. За короткое время Горбачева развалился такой режим! У нас все ж нет уже жандармов...

— **А какая аудитория на ваших концертах?**

— Мои сверстники, их дети, внуки. Причем молодежь охотно слушает. Во всяком случае я не помню, чтобы мы со зрителями расходились недовольные друг другом.

— **А почему в Москве ваши концерты редки?**

— А, знаете, как это часто бывает: сидишь дома и думаешь, к примеру: ну, Третьяковка рядом, еще успеет. Если 11 октября я буду в Москве, то обязательно выступлю на презентации книги Вадима Делоне.

Беседовала Татьяна Глинка
Фото Владимира ЛОБОВА